

Н.Н. Старикова

Анна Ахматова в словенских переводах

Аннотация: В статье в контексте истории становления национальной переводческой традиции рассматриваются переводы поэзии Анны Ахматовой на словенский язык, за последние полвека публиковавшиеся в Словении в периодических изданиях, антологиях и поэтических сборниках. Предлагаемый материал дает представление о том, какие произведения русской поэтессы «прижились» на словенской почве и оставили след в национальной культуре.

Ключевые слова: поэзия Ахматовой, перевод, словенский язык, антологии, рецензия

Abstract: The article discusses the translations of Anna Akhmatova's poems into Slovenian. These have been published in Slovenian periodicals, anthologies, and collections of selected poems over the past fifty years. This helps to make a judgment as to what kind of Akhmatova's poems have been favoured in Slovenia and how they influenced the national culture.

Key words: Anna Akhmatova's poetry, poetry translation, translating into Slovenian, reception of poetry

Первые переводы Анны Ахматовой на словенский язык появились в периодической печати в начале 1960-х гг., еще при жизни их автора, но значительно позднее ее первых публикаций в Югославии в целом: на сербохорватском языке ахматовские стихи впервые вышли в 1923 г.¹ Причины столь долгого пути к словенскому читателю связаны, на наш взгляд, с несколькими факторами. В первую «Русскую антологию в словенских переводах» – от Г.Р. Державина до Т.Л. Щепкиной-Куперник (всего семьдесят имен), которую начал собирать в последней четверти XIX в. И. Весел, а после его смерти опубликовал в 1901 г. А. Ашкерц, Ахматова по молодости войти «не успела». В предреволюционные 1910-е гг., когда поэтическое творчество Ахматовой встречало широкий отклик в отечественной печати, ее имя в силу объективных причин до Словении просто не дошло. Октябрьский переворот 1917 г. и последующие события Гражданской войны и «военного коммунизма», голод и репрессии взорвали все устоявшиеся бытовые и литературные обстоятельства и связи. Волна русской послереволюционной эмиграции, многие представители которой могли бы познакомить читающую публику с поэзией ранней Ахматовой, как это случилось в

¹ Bibliografija rasprava, članaka, književnih radova III. Strana književnost. Poezija. Zagreb, 1963. S. 424.

Сербии, затронула Словению не так значительно, как другие области Королевства СХС. Официальным же путем в межвоенный период ее имя по известным причинам вряд ли могло дойти до широкого словенского читателя. После 1945 г. переводческая политика в СФРЮ оказалась подчинена идеологии, и хотя, как отмечает автор монографии об истории перевода в Словении М. Становник, в 1945–1947 гг. книги, переведенные с русского языка, составляли 61% всей переводной продукции¹, это были прежде всего произведения социалистического реализма в его ждановском, утилитарном варианте. Помимо фактической недоступности текстов опальной на родине поэтессы, на выбор переводчиков существенно повлияла дискуссия о поэтике перевода, развернувшаяся в Словении в начале 1950-х гг. Крупнейший теоретик литературы и литературный критик Й. Видмар еще в 1925 г. отметил значение переводов и переводческой деятельности для нации в целом: «Культурное созревание нашего народа порождает каждодневную потребность в собственной постоянно пополняющейся переводной литературе, которая дает нам возможность познакомиться с произведениями других литератур»². Не ставя под сомнение этот тезис, словенские переводчики-практики послевоенного периода всё же не скрывали опасений по поводу самой возможности адекватного перевода образцов мировой поэзии на словенский язык – язык, как они полагали, заведомо более скромных ресурсов, чем, например, русский, английский или французский. Этим объясняется довольно позднее появление в Словении ряда всемирно известных произведений: так, полный перевод «Паризины» Байрона сделан Я. Менартом лишь в 1963 г., самый качественный перевод «Евгения Онегина», осуществленный М. Клопчичем, – в 1967. В числе первых преодолел комплекс «больших авторов» Тоне Павчек (1928–2011), один из выдающихся словенских поэтов второй половины XX в., переводчик, эссеист, автор книг для детей, заявивший о себе как один из участников знакового для послевоенной поэзии Словении сборника «Стихи четырех» (1953). В нем молодые авторы послевоенного поколения – Ц. Злобец, К. Кович, Я. Менарт и Т. Павчек, – протестуя против политически ангажированного упрощенного «социалистического» стиха, впервые попытались обратиться к мыслям и чувствам своих современников. Убежденный в огромном потенциале родного языка, Павчек со всем максимализмом молодости возражал отечественным мэтрам перевода: «...художественная сокровищница нашего языка так бездонна, что дает возможность воплотить любое стихотворение»³. Именно эта уверенность и, конечно, талант помогли поэту в дальнейшем открыть для своих земляков многие великие поэтические имена, в том числе и русские.

На рубеже 1950–1960-х гг. интерес к Ахматовой в Словении оказался связан, с одной стороны, с общими тенденциями национального литературного процесса, его демократизацией, готовностью литературы воспринимать и творчески перерабатывать разнообразный художественный опыт извне, с другой – с ситуацией, сложившейся вокруг Ахматовой в СССР. Последнее десятилетие ее жизни и творчества стало периодом постепенного возвращения Ахматовой к советскому читателю и одновременно нового творческого подъема. В это время завершена «Поэма без героя», написаны лирические циклы «Шиповник цветет» и «Полночные стихи», ряд литературоведческих работ. Начиная с 1957 г., когда выходит в свет «Антология русской советской поэзии. 1917–1957», куда вошли двадцать два стихотворения Ахматовой, ее произведения вновь печатаются в крупнейших литера-

¹ Stanovnik M. Slovenski literarni prevod 1550–2000. Studia litteraria. Ljubljana, 2005. S. 93.

² Vidmar J. Prevodi iz ruščine // Kritika I. Ljubljana. 1925. № 6. S. 90.

³ Pavček T. Poezija v prevodih // Beseda 2. 1952. № 1. S. 24.

турных журналах СССР: «Москва» (1959, № 7; 1960, № 7), «Новый мир» (1960, № 1), «Нева» (1960, № 3), «Наш современник» (1960, № 3; 1961, № 6) «Звезда» (1962, № 2) и т. д. В журнале «Вопросы литературы» (№ 5 за 1962 г.) помещена статья В. Огнева «Семь ли цветов в радуге? (Заметки о поэзии 1961 года)», где впервые имя Ахматовой звучит в ежегодных обзорах современной советской поэзии. После долгого перерыва выходят два сборника Ахматовой «Стихотворения» (1958) и «Стихотворения (1900–1960)» (1961). Первый, основательно вычищенный его редактором А. Сурковым, сама Ахматова назовет «обломками»¹, второй же, выпущенный в престижной серии «Библиотека советской поэзии», говорит о некотором изменении общественного статуса автора. Эти книги будут потихоньку «просачиваться» за границу. По одной из версий сборник 1958 г., на основании которого была подготовлена первая словенская подборка стихов Ахматовой, попал в СФРЮ благодаря Б. Слущкому, большому другу югославских писателей. Некоторые советские журналы начинают в это время распространяться за рубежом, и стихи Ахматовой оказываются в поле зрения иностранных читателей.

Первая ахматовская публикация в Словении состоялась в 1961 г. В люблянском молодежном журнале «Млада пота» (Mlada pota) появилось девять ее стихотворений. Автор подборки, переводов и предисловия – Павчек. В предисловии «Стихотворения Анны Андреевны Ахматовой» он дает краткий очерк творческого пути, отметив связь поэтессы со школой акмеистов, перечисляет поэтические сборники (не все), кратко упоминает о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г. и подчеркивает, что сейчас поэзия Ахматовой оказалась вновь востребована на родине. Стремясь дать представление о масштабе лирического дарования Ахматовой, переводчик, на наш взгляд, несколько поверхностно и упрощенно сравнивает ее с Есениным, Пастернаком и Пушкиным. «Что-то эдакое пушкинское, классическое есть в поэзии Анны Ахматовой последних двух десятилетий: простота, непосредственность, гармония переживания и выражения, музыкальность стиха и рациональность при выборе образов и слов»², – пишет он в своем обзоре.

В подборку вошли два стихотворения периода «Белой стаи»: «Ведь где-то есть простая жизнь и свет» / «Nekje preprosta stvarnost je in sij» и «Перед весной бывают дни такие» / «Tako je z dnevi zgodaj v predpomladi» (1916), два из сборника «Anno Domini MCMXXI»: «Сказал, что у меня соперниц нет» / «Da nimam tekmic, mi je zatrdil» (1921), «Хорошо здесь: и шелест, и хруст» / «Lepo mi je tu: je škripanje in šum» (1924), оставшиеся пять относятся к послевоенному периоду творчества. Это первое и третье стихотворения цикла «Cinque»: «Как у облака на краю» / «Kot oblakov let čez rodno vas» и «Я не любила с давних дней» / «Da bi se smilila ljudem» (1945), второе и третье стихотворения из цикла «Шиповник цветет»: «И время прочь, и пространство прочь...» / «Proč je prostranstvo in proč je čas» и «Черную и прочную разлуку...» / «Črno, trajno žalost ob slovesu» (1946) без названий, а также четверостишие «И сердце то уже не отзовется», / «Še to srce se nič več ne oglašá» (1953). В последнем, написанном после смерти Н.Н. Пунина, в словенской редакции посвящение ему снято.

Несмотря на то что в публикации делается попытка представить читателю и молодую Ахматову, и Ахматову середины XX в., в творчестве которой, по ее собственному определению, «появляется острое ощущение истории»³, представленная подборка знакомит прежде всего с «лирической» Ахматовой, Ахматовой «на

¹ Эфрон А. О Марине Цветаевой. М., 1989. С. 16.

² Pavček T. Pesmi Ane Andrejevne Ahmatove // Mlada pota. 1961. № 10. S. 110.

³ Ахматова А. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 16.

границе личных признаний, на границе безответной откровенности» (Б. Эйхенбаум)¹. Стихотворения сгруппированы по тематическому принципу, без указания даты создания, расположены не в хронологическом порядке, вне поля зрения словенского литератора остался практически весь историко-биографический подтекст, или, как писал В. Топоров, «тип кодирования»², без которого смысловая полнота ахматовской лирики пропадает. Создается впечатление, что при отборе Павчек руководствовался больше внешней стороной, красотой и звучанием стиха, нежели его смыслом, историей создания, контекстом. Налицо явный недостаток у переводчика информации как о творчестве поэта в целом, так и о самом представленном стихотворном ряде. Опираясь на доступное ему советское издание, «причесанное» редактором, он не имел возможности передать скрытый информационный и эмоциональный потенциал произведений, в этом смысле первая словенская публикация Ахматовой существенно обеднена. Павчек явно не знал, что более половины отобранных им стихотворений имели посвящения и связаны с конкретными эпизодами жизни поэтессы. «Ведь где-то есть простая жизнь и свет» – стихотворение, первоначально имевшее двойное посвящение: в одном варианте Н.В. Недоброво, в другом – М.В. Кузьмину-Караваеву, «Перед весной бывают дни такие» посвящено Н.Г. Чулковой, циклы «Cinque» и «Шиповник цветет» связаны с именем сэра Исаяи Берлина, наконец, «И сердце то уже не отзовется» увековечивает память умершего мужа Н.Н. Пунина. Несколько извиняет переводчика то, что в самом сборнике 1958 г. нет комментариев и примечаний, отдельные стихотворения из него уже после выхода книги подвергались творческой переработке; впоследствии Ахматова дала им новые названия, включила в циклы.

Сами переводы сделаны увлеченно и с огромным уважением к первоисточнику, но их автору ещё не всегда хватает мастерства. Так, например, ахматовские «шелест и хруст», удивительно точно передающие звучание русского мороза в словенском варианте превратились в «škrīpanje in šum» – в «скрежет и шум», т. е. во что-то ассоциирующееся с заводским цехом, а не с тем, как «В белом пламени клонится куст // Ледяных ослепительных роз».

Хорошо здесь: и шелест, и хруст;	<i>Lepo mi je tu: škrīpanje in šum</i>
С каждым утром сильнее мороз,	<i>In slehernu jutro hujši je mraz</i>
В белом пламени клонится куст	<i>In v belem plamenu snežnatih brun</i>
Ледяных ослепительных роз.	<i>Grm tišči rož ledenih obraz.</i>

О том, что автор переводов сам не был удовлетворен сделанным, свидетельствует тот факт, что лишь три стихотворения из первой публикации были сохранены в его последующих изданиях ахматовских переводов.

Через два года словенский поэт лично познакомился с Ахматовой и показал ей свои переводы. Зимой 1963 г. Павчек был приглашен в СССР по линии Союза писателей, побывал в Москве и Ленинграде, где произошло знакомство с И. Бродским³, т. е. можно сказать, что поездка оказалась весьма плодотворной. В Москве в середине февраля состоялась его встреча с Ахматовой. Установить, по какому конкретно из московских ахматовских адресов это произошло, не удалось. Согласно «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой» ее московскими хозяевами в

¹ Эйхенбаум Б. Об Анне Ахматовой // День поэзии. Л., 1967. С. 169.

² Топоров В.И. Об одном письме к Анне Ахматовой // Ахматовский сборник. Париж, 1989. С. 16.

³ См. об этом подробнее: Павчек Т. Ленинградская встреча с Бродским. Эссе // Иностранная литература. 2008. № 6. С. 125–130.

январе-феврале 1963 г. были М. Петровых, Н. Глен, Ардовы, М. Алигер¹. Они могли встретиться у Н.Н. Глен, которая часто знакомила Анну Андреевну со славянскими авторами, или у Ардовых на Б. Ордынке. В пользу последнего свидетельствовала О.Д. Кутасова, в то время старший редактор издательства «Художественная литература», которая опекала словенского поэта в Москве. Сам Павчек запомнил название своей гостиницы – «Пекин», куда он за полночь возвращался из гостей на метро. По горячим следам он записал свои впечатления от облика и манеры поведения Ахматовой и схему их беседы. В памяти сохранились «аристократическое лицо с высоким лбом и <...> выразительностью черт» и «глубокий голос с характерной русской напевной интонацией»². Разговор Ахматова начала со стихотворения «Последняя роза» с эпиграфом из Бродского, которое прочитала по памяти:

Вы напишете о нас наискосок
И.Б.

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

Впоследствии собеседник его перевел, но без эпиграфа:

*Zdaj z Morozovo do tal se klanjam,
plešem s pastorko Heroda ples,
zdaj z Didonine grmade uhajam,
da z Ivano spet gorim kot kres.
Gospod! Vidiš, trudna sem, betežna,
da umiram in vstajam dan na dan.
vzemi vse, a daj, da znova svežost
te rdeče vrtnice zaznam.*

Потом Ахматова спросила, знает ли он, кто такая Морозова, и видел ли он в Третьяковской галерее картину Сурикова. Павчек попросил текст для перевода, она ответила, что стихотворение не опубликовано. К слову сказать, на тот момент уже был подписан в печать первый номер «Нового мира» за 1963 г. с новой публикацией «Анна Ахматова. Из новых стихов»: «Родная земля», «Последняя роза» (с эпиграфом), «Два четверостишия» («Ржавеет золото и истлевает сталь...») и «О своем я уже не заплачу...»), «Царскосельская ода».

Они беседовали о Фальке, картины которого экспонировались тогда в Манеже на выставке современного искусства, печально известной по выходке Хрущева, о Пастернаке и Мандельштаме. Пастернака Павчек уже переводил, написал по поводу его смерти некролог. Ахматова удивилась, что в Словении не знают Мандельштама. Павчек, который очень хотел перевести и его, тут же спросил ее, где в Москве можно достать мандельштамовские стихи, на что Ахматова с лукавой улыбкой ответила: «Антон Антонович³, святая простота, чего спрашивать, надо

¹ Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Индрик, 2008. С. 598–603.

² Pavček T. Zapisi o Ahmatovi // Anna Ahmatova. Lirika. Ljubljana, 1989. S. 131.

³ Словенское имя Тоне соответствует русскому Антон, отца Павчека тоже звали Тоне, т. е. Антон Антонович – русифицированный вариант его имени и отчества.

наклониться и поднять – вся Москва завалена стихами Мандельштама»¹. Но сама стихов не дала. По просьбе поэтессы Павчек читал свои переводы ее стихотворений. Ахматовой понравилось звучание языка, она оценила точность рифмовки. Потом попросила почитать кого-нибудь из словенских классиков и с интересом слушала сонеты Прешерна. Она имела некоторое представление о словенской поэзии XIX в., переводила по подстрочникам Ф. Левстика и С. Енко.

Можно смело утверждать, что личная встреча с Ахматовой, человеком, который, по словам Бродского, «одной интонацией своей тебя преображает»², окончательно определила вектор интересов словенского поэта: всю свою последующую переводческую деятельность он связал с русской поэзией. В его переводах в Словении вышли сборники В. Маяковского (1972), А. Блока (1978), С. Есенина (1984), А. Ахматовой (1989), Б. Пастернака (1991), М. Цветаевой (1993), Н. Заболоцкого (1997).

Воспоминания о встрече с Ахматовой Павчек включил в первое отдельное книжное издание ее поэзии – «Анна Ахматова», вышедшее в Словении к 100-летию со дня рождения поэтессы в 1989 г. в престижной серии «Лирика». Эта серия на протяжении сорока лет знакомит читательскую аудиторию с шедеврами мировой поэзии (в том же году в этой серии вышли С. Малларме и У. Уитмен). Сборник «Анна Ахматова» 1989 г. до сих пор можно считать самым репрезентативным изданием Ахматовой в Словении. Включение поэзии Ахматовой в эту серию означает, что круг ее почитателей здесь значительно расширился. Книга была с воодушевлением встречена читателями и критикой, о чем свидетельствуют благожелательные рецензии Колшека, Лаха, Байта³. Отдельные стихотворения из этого сборника в том же году публиковались в нескольких центральных литературных журналах («Наши разгledi» / «Naši razgledi», «Наша содобност» / «Naša sodobnost»⁴). В юбилейном сборнике Павчек выступает как составитель, переводчик и автор литературной статьи об Ахматовой, только два стихотворения – «Муза» и «Творчество» (1936) – даны в переводе К. Ковича. В книгу вошли стихотворения из московского издания «Избранное» 1987 г., что указано в примечаниях. Она содержит подборку из восьмидесяти восьми стихотворений семи ахматовских сборников: «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Anno Domini MCMXXI», «Подорожник», «Тростник», «Седьмая книга» (в среднем 10–12 стихотворений из сборника), а также перевод «Реквиема» и «Северных элегий». Таким образом, вниманию словенского читателя представлена теперь не только ахматовская лирика, но и лиро-эпический жанр, не только любовная тема, но и поэзия, раскрывающая, как сказано в «Письме Анне Андреевне Ахматовой на тот свет» И. Игнатова, «страшные вещи»⁵. Следует заметить, что перевод «Реквиема» на словенский язык был сделан всего через два года после его официальной публикации на родине в журнале «Октябрь» за 1987 г. (мюнхенское издание 1963 г. не в счет). В своей статье «Записки об Анне Ахматовой» Павчек подробно рассказывает о личной судьбе и творческом пути поэтессы, дает краткий очерк истории русского акмеизма, упоминая других поэтов – современников и друзей Ахматовой (Н. Гумиле-

¹ Pavček T. Zapisi o Ahmatovi. S. 133.

² Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 223.

³ Bajt D. Poezija kot kapnik: Ana Ahmatova, zbirka Lirika, MK 1989 // Večer 46/85. 1990. 11.IV. S. 6; Kolšek P. Trije liriki // Delo. 1990. № 32. S. 8; Lah A. Anna Ahmatova // Srce in oko. 1990. № 2. S. 15.

⁴ Ahmatova Anna. Pesmi. Ob stoletnici rojstva (11.06.1889–05.03.1966) // Naši razgledi. 1989. № 38. S. 11; Ahmatova Anna. Severne elegije // Naša sodobnost. 1989. № 37. S. 5–7.

⁵ Игнатов И. Письмо Анне Андреевне Ахматовой на тот свет // Ахматовский сборник. Париж, 1989. С. 22.

ва, О. Мандельштама, Б. Пастернака). Эмоциональную окраску придают тексту и мемуарные записи о встрече 1963 г., в которых создается живой образ женщины и поэта и передается то впечатление, которое Ахматова произвел на автора. Комментарии к стихотворениям отсутствуют.

В книге 1989 г. переводчик подходит к оригиналу чрезвычайно бережно и, на наш взгляд, более профессионально, чем в 1960-е гг., стремясь в работе тщательно соблюдать семантическую и версификационную точность. Теперь он сам большой поэт, за плечами которого работа в издательстве и союзе писателей, на радио и телевидении, в театре, литературные премии, в частности высшая литературная награда Словении – премия Ф. Прешерна (1984). Павчек известен за пределами своей страны, его стихи переведены на несколько языков, в том числе на русский, на родине его считают знатоком русской поэзии, благодаря ему по-словенски звучали Блок, Есенин, Маяковский. Ахматова с полным правом «встраивается» в этот ряд. Ее стихи для словенского поэта также образец высокой поэзии, одушевляющей человеческое общежитие, ахматовский взгляд на мир становится частью его собственного восприятия. Общение с ее поэзией подарило ему «состояние влюбленности в силу и красоту стиха, дало убежденность в абсолютной суверенности стихотворчества и безграничной преданности музе и жизни»¹. В то же время Павчека привлекает именно русская составляющая переводимых текстов: сам язык, красота и мелодичность его звуковой окраски, фонетическая аранжировка стиха, многообразие и гармоничность интонаций. Поэт чувствует музыку ахматовской строфы, ее изобразительность, ее, по определению Бродского, «уникальную центробежную энергию»². К наиболее удачным примерам передачи этой энергии можно отнести перевод стихотворения «Последний тост» / «Poslednja zdravica» (1934), одного из самых трагических, безысходных и одновременно жизнеутверждающих в ее лирике.

Я пью за разоренный дом,	<i>Pijem za dom svoj razdejan,</i>
За злую жизнь мою,	<i>za žitje svoje zlo,</i>
И за тебя я пью, –	<i>in zate čašo to, –</i>
За ложь меня предавших губ,	<i>za laž, izdajstvo tvojih ust,</i>
За мертвый холод глаз,	<i>za mrtvi hlad oči,</i>
За то, что мир жесток и груб,	<i>za to, da svet je grob in krut,</i>
За то, что бог не спас.	<i>Da Bog nas rešil ni.</i>

В трагический момент поэт ищет основание, на которое он может опереться. В ахматовском мире реальность предстает безысходной, и переводчик передает это ощущение безысходной реальности, сохраняя почти все ключевые, «несущие» эпитеты семистихия: «разоренный» – «razdejan», «злую» – «zlo», «мертвый» – «mrtvi», «жесток» – «krut», «груб» – «grob» (лишь причастие «предавших» заменяется существительным «предательство» – «izdajstvo»). Прямой смысл слов говорит о полной безнадежности, которая констатируется лирической героиней. При этом в словенском варианте сохраняется тот же необъяснимый эффект от стихотворения в целом: «женское» мироощущение доведено до общечеловеческой мощи и значимости, внутренняя энергия строк говорит о несокрушимом противостоянии личности окружающему миру, эпохе, судьбе. Пласт реальный, биографический, символический, трагический подтекст – все это есть в интерпретации

¹ Orfejev spev: antologija svetovne poezije v izboru slovenskih pesnikov. Ljubljana, 1998. S. 66.

² Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 231.

Павчека. Переводчику удалось совместить два необходимых для перенесения стиха в другую языковую среду условия: отождествить свое «я» с миропониманием и мироощущением автора – «услышать вещь у истока» (М. Цветаева¹) и найти краски ее адекватного звучания на ином языке.

К безусловным удачам можно отнести и перевод «Эпилога» – той части «Реквиема», в которой особенно отчетливо звучит нота личной трагедии Ахматовой – матери, жены, женщины, – воплощающая трагедию народа и эпохи, и передано ощущение напряженной раздвоенности поэта, в силу своего дара вынужденного описывать это поистине вселенское горе со стороны. Осознание этой отстраненности может свести поэта с ума.

И я молюсь не о себе одной,	<i>In molim, a ne za obstanek svoj,</i>
А обо всех, кто там стоял со мною	<i>za vse, ki v vrstah z mano so čumeli,</i>
И в лютый холод, и в июльский зной	<i>ko bril je mraz in julijski lil znoj,</i>
Под красною, ослепшею стеной.	<i>pod rdečim zidom, v hudem oslepelim.</i>

В 1990-е гг. стихотворения Ахматовой в Словении находят свое место в двух новых изданиях – «Антологии русской поэзии XX века» (1990) и антологии мировой поэзии «Песнь Орфея» (1998). «Антология русской поэзии XX века» с прекрасным предисловием Д. Самойлова появилась вновь благодаря усилиям Павчека, выступившего в качестве автора подборки, редактора и основного переводчика, а также его коллеги Д. Байта и профессора-русиста Люблянского университета А. Сказы, написавшего краткие биографические справки о поэтах. В книгу включены стихотворения сорока семи выдающихся русских авторов XX в. – от В. Соловьева до И. Бродского. Поэзия Серебряного века представлена в книге в полном блеске: К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Белый, А. Блок, О. Мандельштам, Н. Гумилев, В. Хлебников, В. Ходасевич, М. Цветаева, А. Ахматова, Б. Пастернак. В «советской» части фигурируют Э. Багрицкий, Н. Заболоцкий, Л. Мартынов, А. Твардовский, Б. Слуцкий, Е. Винокуров, Д. Самойлов, Ю. Левитанский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина и ряд других. Творчество Ахматовой представляют тринадцать стихотворений и отрывок из «Реквиема» (приговор и эпилог). Выбранные составителем произведения в количественном отношении больше ориентированы на раннее творчество: более половины подборки – стихотворения 1911–1915 гг. Это «Сжала руки под темной вуалью...» / «Roke stiskala sem pod črnino...» (1911), «Песня последней встречи» / «Pesem zadnjega srečanja» (1911), «Не будем пить из одного стакана...» / «Ne bova iz enega kozarca pila...» (1913), «Уединение» / «Osamljenost» (1914), «Бесшумно ходили по дому...» / «Hodili so tiho, se vedli...» (1914), «Нам свежесть слов и чувства простоту...» / «Besed svežino, čustev božji dar...» (1915), «Сон» / «Sanje» (1915). Оставшиеся – «Сказал, что у меня соперниц нет...» / «Dan nimam tekmič, mi je zatrdi» (1921), «Лотова жена» / «Lotova žena» (1922–1924), «Муза» / «Muza» (1924), «Воронеж» / «Voronež» (1936), пятая из «Северных элегий» (1945) и «Последняя роза» / «Poslednja vrtnica» (1962), которые, без сомнения, можно отнести к программным для творчества Ахматовой в целом. При этом пятая – на наш взгляд, ключевая – элегия цикла дана без тютчевского эпиграфа из «Цицерона» и посвящения «Н.А. О-ой» (Н.А. Ольшевской), «Последняя роза» без эпиграфа из И. Бродского. Поэтический ряд взят из сборника 1989 г., одно стихотворение «Сказал, что у меня соперниц нет...» / «Dan nimam tekmič, mi je zatrdi» относится к публикации 1961 г.

¹ Цит. по: Белкина М. Скрещение судеб. М., 2005. С. 160.

При переводе удивительно точно передана сдержанная горечь и философичность голоса ахматовской лирической героини, звучащего в пятой элегии. Павчеку удалось уловить и, выдержав размер и ритм, мастерски повторить его явственную пушкинскую интонацию, восходящую ко «...Вновь я посетил...»:

Меня, как реку,	<i>Mene, kot reko,</i>
Суровая эпоха повернула.	<i>je preusmerila surova doba.</i>
Мне подменили жизнь. В другое русло	<i>Zamenjali so mi življenje. V drugo</i>
Мимо другого потекла она,	<i>je strugo mimo drugega potekla,</i>
И я своих не знаю берегов.	<i>tako da svojih ne poznam bregov.</i>

Особого внимания заслуживает издание под редакцией поэта Н. Графенауэра «Песнь Орфея. Антология мировой поэзии в подборке словенских поэтов», инициатором создания которого выступил литературный журнал «Нова ревия», учрежденный в Словении благодаря усилиям демократически настроенных деятелей науки и культуры на заре зарождающихся в СФРЮ перемен. В число ее составителей вошли тридцать два на тот момент действующих поэта, представляющие весь почти полувековой «срез» современной словенской поэзии – от участника Второй мировой войны Ивана Минатти (1924–2012) до представителя пост-постмодернистской генерации Алеша Штегера (р. 1973). Перед ними была поставлена задача из всей глыбы мировой лирической поэзии отобрать десять «своих» стихотворений и в кратком эссе аргументировать принятое решение. При этом поэты могли выбирать, опираясь как на текст оригинала, так и на перевод, и не были обязаны выступать переводчиками отобранных произведений. В итоге словенские поэты остановили свой выбор на 289 стихотворениях 137 авторов – от Овидия до Бродского, более половины книги составили произведения поэтов XX в. Самым востребованным оказался Р.М. Рильке: его переводы встречаются в книге восемнадцать раз. Русская поэзия, в количественном отношении занимающая третье место после французской (восемнадцать) и английской (четырнадцать) имен, представлена произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Кольцова, А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой, В. Хлебникова, С. Есенина, В. Маяковского, Б. Пастернака, И. Бродского, она безоговорочно лидирует с точки зрения частоты обращения. Двадцать участников проекта (более половины) включили в свою «десятку» стихотворения русских поэтов. Самым привлекательным оказался Мандельштам – его стихотворения есть в подборке девяти словенских поэтов; Пушкин только второй – его выбрали семь авторов, но при этом трое из них, знакомых с русской поэзией не понаслышке: Павчек, Кович и Есих, – в качестве лирического эталона мировой литературы выбрали стихотворение «Я вас любил...». Стихи Ахматовой привлекли пятерых авторов, каждый из которых остановил внимание на одном ее произведении. По мнению словенского исследователя Ахматовой Б. Подлесника, число ахматовских стихотворений в антологии говорит о месте ее творчества в словенской культуре и приравнивает его художественную значимость в Словении к таким представителям мировой поэзии, как Ш. Бодлер, Э. Паунд, П. Неруда¹. Четыре стихотворения Ахматовой даны в переводе Павчека, пятое – в переводе Есиха.

Выбор стихотворений: у Павчека – «Муза», у М. Есиха – «Муж хлестал меня узорчатым» в собственном переводе, у И. Симонович – «Ты письмо мое, милый,

¹ Подлесник Б. А.А. Ахматова в словенской культуре XX века // Филологические заметки. Пермь, 2002. С. 264.

не комкай...», у М. Видмар – «И целый день, своих пугаясь стонов» и у А. Ихана – «Лотова жена», авторов разных поколений и литературных пристрастий, – подтверждают мысль Б. Пастернака о равной художественной ценности «ранней» и «поздней» Ахматовой¹ и свидетельствует о том, что ее произведения вышли за рамки простого факта истории литературы и представляют собой живое явление современного художественного слова.

Как и следовало ожидать, больше всех к русской лирике привязан Павчек; шесть из десяти выбранных им произведений принадлежат перу русских поэтов: это Пушкин, Блок, Есенин, Цветаева, Пастернак и Ахматова. В компанию к ним, по воле составителя, попали также Бодлер, Уитмен, Рильке и Г. Лорка. В своем эссе поэт объясняет такой «крен» не только тем, что «всю жизнь прожил с русской поэзией», переводил ее, но и тем, что стихи русских поэтов из категории тех, которые «открывают тебя <...>, дают новое видение своей темы»². По сути, Павчек говорит о факторе духовной близости автора и переводчика: перевод создается в поле индивидуального мировосприятия переводчика; выбор произведения, способ его интерпретации и перенесения в другое языковое пространство выявляют этические и эстетические пристрастия переводящего, его опыт, темперамент, вкус, мастерство. Налицо понятие «соизбранности», которое способно фиксировать духовную, порой с трудом поддающуюся объяснению, но явно существующую связь между автором и переводчиком. Свое решение Павчек объясняет тем, что в стихотворении Ахматовой «Муза», за которым стоит вся ее жизнь, воплощается вечная тема предназначения поэта; оно, как и прешерновское «Поэту», говорит о судьбоносной миссии поэзии, для всех культур универсальной³.

Когда я ночью жду ее прихода, Жизнь, кажется, висит на волоске. Что почести, что юность, что свобода Пред милой гостьей с дудочкой в руке. И вот вошла. Откинув покрывало Внимательно взглянула на меня. Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала Страницы Ада?» Отвечает: «Я».	<i>Ko v noči čakam jo, da me obišče, življenje mi na nitki trepetja. Kaj čast, prostost, mladost z vsem bliščem ob ljubi gosti, ki svirel ima. Vstopila je. In že brez pokrivala pazljivo se zazrla mi v obraz. Povprašam jo: «Mar ti narekovala si Danteju Pekel?» Odvrne: «Jaz»</i>
---	---

Выдающийся поэт и переводчик Милан Есих (р. 1950), наряду с Гейне, Леопарди, Мицкевичем, Пушкиным, Бодлером и Рильке включил в свой ряд довольно раннее ахматовское стихотворение «Муж хлестал меня узорчатым» / «Mož me tepel je s porisanim»⁴ (1911). С формальной точки зрения, он руководствовался двумя аргументами: во-первых, возможностью самому прочесть и понять оригинал (поэтому, например, китайские, персидские, арабские тексты им вообще не рассматривались); во-вторых, включением в свой список только ушедших авторов, «поэзия которых живет и сегодня»⁵. Никаких прямых объяснений своих пристрастий в эссе Есиха нет, более того, он всячески подчеркивает свои колебания и уязвимость выбора. Но в случае с Ахматовой, думается, существенную роль сыграло его желание

¹ Пастернак Б. Об искусстве. М., 1990. С. 157.

² Orfejev spev: antologija svetovne poezije v izboru slovenskih pesnikov. Ljubljana, 1998. S. 66.

³ Orfejev spev. S. 66.

⁴ В трех неозаглавленных стихотворениях в словенском варианте первая строка выносится вперед как название.

⁵ Ibid. S. 384.

прервать многолетнюю монополию Павчека на русскую поэзию в целом и творчество Ахматовой в частности (стихотворение «Я вас любил...» предложено им тоже в своем переводе). При этом Есиху не совсем удалась фольклорная переливчатость интонации ахматовского стихотворения, соединение в нем литературного языка своего времени и традиционных приемов русской народной песни, о котором писал О. Мандельштам¹. Рифма «узорчатый» – «створчатый» не сохранена, видимо, из-за сложности перенесения на словенский язык последнего эпитета, само слово «узорчатый» переведено как «porisani» – «разрисованный», «раскрашенный», а не правильно – «vzorčast»:

Муж хлестал меня узорчатым, двое сложенным ремнем. Для тебя в окошке створчатом я всю ночь сижу с огнем.	<i>Mož me tepel je s porisanim, v dva prepognjenim jermenom. Dolgo noč pri okencu sedim z zate čuvanim plamenom.</i>
---	--

Также при переводе из словосочетаний ушли такие принципиальные, стилизованные Ахматовой под постоянные эпитеты, как «хмурая» доля, «звонкие» стоны, и определения, несущие авторскую эмоциональную нагрузку, – «печальная» узница, «несмятая» постель:

Для тебя я долю хмурю, Долю-муку приняла Ах, со мной, печальной узницей, Ты опять побыть не мог. А лучи ложатся тонкие На несмятую постель	<i>Zate sem usode silam vzela zgolj trpljenje zase. Ah, k jetnici meni ti je nemogoče spet bilo. Žarki so luči jutranje v prazno (букв. пустую) posteljo prišli</i>
---	---

Ифигения Симонович (р. 1953) «своим» текстом Ахматовой представляет еще одно прочтение ее поэзии. Выбор стихотворения 1912 г. «Ты письмо мое, милый, не комкай» / «Ne mečkaj mojega pisma, ljubi» отражает восприятие любовной лирики Ахматовой женщиной XXI в. Словенскую поэтессу поразила «завораживающая искренность и одновременно простота выражения, с которыми двадцатитрехлетняя Ахматова подошла к любовной теме»².

Ты письмо мое, милый, не комкай. До конца его, друг, прочти. Надоело мне быть незнакомкой, Быть чужой на твоём пути.	<i>Ne mečkaj mojega pisma, ljubi, beri do konca, prijatelj moj. Biti neznanka se več mi ne ljubi, biti tujka na poti s teboj.</i>
---	---

По мнению Симонович, почти за век мало что изменилось в отношении мужчины к женщине. В лирической героине Ахматовой она видит себя, сорокатрехлетнюю, в «сером, будничном платье, На стоптанных каблуках», написавшую письмо ЕМУ, которое ИМ так и не прочитано, письмо, завалившееся где-то в недрах портфеля, потому что «есть вещи поважнее женских писем... Женщина надеется, что ей нашлось местечко в уголке мужского сердца... Но как только она оказывается вне поля зрения мужчины, то становится «незнакомкой», «чужой на его

¹ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 210.

² Orfejev spev. S. 465.

пути», ведь противоположный пол занимает только то, что... он собственно от женщины сможет получить, а отнюдь не она сама»¹.

Другой полюс ахматовского творчества оказался близок Алойзу Ихану (р. 1961) и Майе Видмар (р. 1961); они остановились на примерах философской лирики – стихотворениях «Лотова жена» / «Lotova žena» (1924) и «И целый день, своих пугаясь стонов» / «In množice, od svojih stokov plašne» (1917). При этом оба руководствовались тем внутренним резонансом, который возникал при погружении в ахматовскую эпоху и трагический мир ее лирической героини. Ихан при отборе колебался между стихами, которые ему интересны сейчас, и теми, что «оставили след в <...> сознании»², и выбрал последние, т. е. «радиация» (Бродский³) ахматовской поэзии с годами не потеряла для него своей силы. Видмар привлекла тема смерти, представленная также в творчестве таких титанов мировой поэзии, как Малларме, У. Йетс, Рильке, Мандельштам, Лорка⁴. В этом смысле восьмистишие Ахматовой, в котором речь идет о том, как молох истории перемалывает человека, женщину, поэта так, что «сердце разорвали пополам», без сомнения, одно из ключевых в мировой поэзии.

И целый день, своих пугаясь стонов,	<i>In množice, od svojih stokov plašne?</i>
В тоске смертельной мечется толпа,	<i>v smrtni tesnobi ves čas valove,</i>
А за рекой на траурных знаменах	<i>a tam za reko se lobanje strašne</i>
Зловещие смеются черепа.	<i>na žalnih znamenjah reže.</i>

Последний реализованный ахматовский проект Павчека – двуязычный сборник «Анна Ахматова», вышедший в серии «Мастера лирики» (в которой уже появились Петрарка, Шекспир, Верлен, Рильке) в 2004 г. Поэт настоял, чтобы первым русским автором этой знаковой для словенской культуры серии стала Ахматова. Составляя книгу, он опирался на сборник 1989 г., однако шестнадцать из семидесяти стихотворений – новые. Павчек стремился расширить тематический диапазон, включив в книгу новые произведения разных периодов. Это «Два стихотворения» / «Dve pesmi» (1909–1910) из сборника «Вечер»; «Музе» / «Muzi» (1911), «Прогулка» / «Sprehod» (1913) – из сборника «Четки»; «И мнится – голос человека...» / «In zdi se – tukaj glas človeka...» (1917), «Сколько раз я проклинала...» / «O, kolikrat preklela...» (1915), «Нет царевич, я не та...» / «Ne, jaz nisem carjevič...» (1915), «Родилась я ни поздно, ни рано...» / «Rodila se nisem ne pozno ne rano...» (1913) из сборника «Белая стая»; «Я спросила у кукушки» / «Kukavico sem vprašala» (1919), «Ночью» / «Noč» (1918) из сборника «Подорожник», «Черный сон» / «Črni sanje» из книги «Anno Domini», «Заклинание» / «Rotitev» (1935), «Борис Пастернак» / «Boris Pasternak» (1936), «Данте» / «Dante» (1936) из сборника «Из шести книг» и два поздних стихотворения – «Творчество» / «Ustvarjanje» (1959) и «Родная земля» / «Rodna zemlja» (1961). В издание также вошли поэма «Реквием», первая, третья и пятая из «Северных элегий»; завершает ее статья составителя «Жизнь и творчество Анны Ахматовой». Способ подачи стихотворного текста в словенских книгах этой двуязычной серии отличается от принятого у нас (два параллельных текста) – здесь строки перевода и оригинала чередуются:

И упало каменное слово
In beseda kamnata je pala

¹ Ibidem.

² Ibid. S. 554.

³ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским... С. 45.

⁴ Ibid. S. 565.

На мою еще живую грудь,
na še žive prsi mi težko.
Ничего, ведь я была готова,
Nič ni, saj sem to pričakovala.
Справлюсь с этим как-нибудь.
Zbotala se s tem bom je kako
(«Реквием» – «Приговор»)

Таким образом, на сегодняшний день Ахматова известна в Словении как один из ведущих русских лириков XX в. и автор едва ли не самого главного произведения сталинской эпохи, ее разоблачающего, – «Реквиема». Вне поля зрения профессиональных переводчиков поэзии пока остались ахматовские поэмы, в частности «Поэма без героя»¹, проза и существенный объем лирики. Здесь, безусловно, есть над чем работать.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Anna Ahmatova. Zbirka *Lirika*. Ljubljana, 1989. 139 str.
Ahmatova A. Pesmi. Zbirka *Mojstri lirike*. Ljubljana, 2004. 202 str.
Ahmatova A. Pesmi. Ljubljana, 2009. 110 str.
Antologija ruske poezije 20. stoletja. Ljubljana, 1990. 491 str.
Orfejev spev: antologija svetovne poezije v izboru slovenskih pesnikov. Ljubljana, 1998. 764 str.

Сведения об авторе:
Надежда Николаевна Старикова,
докт. филол. наук,
зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы
Институт славяноведения РАН,
профессор
кафедры славянской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Nadezhda N. Starikova,
Doctor of Philology,
Head of the Department of Modern Literature
of Central and South-Eastern Europe
Institute of Slavonic Studies RAS;
Professor
Department of Slavic Philology
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
nstarikova@mail.ru

Translating Anna Akhmatova into Slovenian

¹ В 2015 г. в Любляне в серии «Жизнь и творчество», которую издает Научно-исследовательский центр Словенской академии наук и искусств (*Zbirka Življenja in dela IX ZRC SAZU*) вышла монография молодой талантливой русистки Н. Зайц «Введение в поэтику Анны А. Ахматовой» (*Uvod v poetiko Anne A. Ahmatove*). Помимо обширной исследовательской части книга содержит раздел, в который вошли поэтические тексты Ахматовой в оригинале и на словенском языке, в том числе отрывки «Поэмы без героя» и другие ранее не переводившиеся произведения. Автор выполнила эти переводы сама, стремясь в просветительских целях донести до читателя семантическую составляющую ахматовских текстов.